

Газета Чайковского
городского круга
«Частный Интерес»
издаётся с 1998 года, еженедельно
адрес редакции: 617760,
г. Чайковский, ул. Мира, 4, оф. 7
телефон: 8(34241)9-60-80
эл. почта: chaintres@chaint.ru

16+

ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС

ОТКРЫВАЕМ ЧАЙКОВСКИЙ ВМЕСТЕ

XXVII краевой фестиваль
региональной прессы Прикамья
«Журналистская весна — 2024»

НОМИНАЦИЯ ДЛЯ ЖУРНАЛИСТОВ МАСТЕР ЗАРИСОВКИ

Заявка на участие в творческом конкурсе «Журналистская весна – 2024»

Редакция газеты «Частный Интерес» (Чайковский городской округ) предлагает к рассмотрению жюри XXVII краевого фестиваля региональной прессы Прикамья «Журналистская весна – 2024» публикации корреспондента Галины Александровны Слепнёвой

Галина Александровна работает в нашей газете второй год. Она сразу предложила вести рубрику «Непридуманные истории». Читатели тепло откликнулись на её публикации. Автор рассказывает реальные истории людей, когда-то встретившихся на её пути. И

рассказывает их живым русским языком. Читатели ждут этих историй, и редакция старается выпускать их регулярно. Недавно Галина Александровна открыла ещё одну рубрику – «Огородные истории». Эта тема тоже очень популярна среди читателей «ЧИ».

На фестиваль «Журналистская весна – 2024» в номинации «Мастер зарисовки» представляем следующие публикации Галины Слепнёвой:

ЛЮБОВЬ ВСЕГДА ГОТОВА К ПРОЩЕНИЮ
«ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС» № 12 ОТ 28.03.2024

БАБОНЬКА
«ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС» № 49 ОТ 14.12.2023

ЖДАЛ КАЖДЫЙ
«ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС» № 24 ОТ 22.06.2023

ЛЮБОВЬ ВСЕГДА ГОТОВА К ПРОЩЕНИЮ

Федька рос хулиганом и драчуном. В их семье было семеро ребятишек, все пацаны, поэтому потасовки могли начаться в пустом месте: не свою ложку взял, не свои ботинки надел, да и мало ли из-за чего, мальчишки они и есть мальчишки, что не так, сразу кулаки в ход пускают. Серьёзных драк не было, как и злости между братьями, так что родители на эти потасовки смотрели молча, не наказывая и не особо разбираясь. Отец всегда говорил, что и он в детстве дрался, как и все, вырос, остепенился, женился, ни жену, ни ребятишек пальцем не тронул, всё образуется.

Федька был средним в семье, старшие уже выросли, один даже женился, поэтому он чувствовал себя уверенно, спуску обидчикам никому не давал, за что и слыл отпетым хулиганом.

Деревня есть деревня, бабы не редко, ругая своих дочерей, говаривали, что такой неряхе или лентяйке достанется и муж вроде Федьки. Федькина мать пробовала заступаться за сына, но смирилась, видя в очередной раз синяк под глазом сына.

В седьмом классе в деревню приехала фельдшерница, а с ней дочка Катя, белоголовая, маленькая, хрупкая, с огромными голубыми глазами. На вид ей только в третьем классе бы учиться, но посадили в седьмой. Девочка, несмотря на хрупкость и малый рост, не была робкой. Уверенно прошла по классу, подошла к Федькиной парте, спросила, свободно ли, и села. Раньше с Федькой никто сидеть не хотел, мальчишки постоянно дрались с ним, а девочки боялись из-за этого.

Федьку как подменили. Про драки он забыл, кричать перестал, в школу приходил вовремя, в чистой рубашке, которую раньше никак не хотел надевать вопреки требованиям матери, даже уроки стал учить... Мальчишки пробовали подкалывать, что уж не влюбился ли он, на что Федька недвусмысленно показал кулак, и все разговоры прекратились.

Однажды возле амбулатории навстречу Кате вышел деревенский козёл, он был огромный, с большими витыми рогами, в шерсти репы, яростно тряс головой, отгоняя пауту. Катя за-

мерла, мать увидела это в окно и прокричала, что сейчас выйдет, но мимо проходил Федька, который схватил вицу и отогнал козла, Катя была спасена. Он, конечно, не совсем случайно там проходил, но помощь была своевременной.

В 8 классе им предложили выбирать будущую профессию, Катя сказал, что хочет стать библиотечником. Федька одобрил её выбор, пусть книжки читает, в тепле, интересно, с людьми. А сам он хотел быть танкистом, только вот для военного училища надо было 10 классов окончить, а терпения на учёбу у него не было. Поэтому после школы он пошёл в ФЗУ и выучился на тракториста, что очень подходило к его мечте. Катя училась в райцентре в училище на библиотечника, домой приезжала раз в месяц, но каждый раз её почему-то встречал Федька, забирал тяжёлую сумку и провожал до дому. Через два года призвали Федьку в армию, на три года. Проводов особых не справляли, отец только сказал, чтоб служил честно, семью не позорил, писал, не забывал. Выйдя из дома, Федька с удивлением встретил Катю, которая стояла вся продрогшая, глаза в слезах. Он даже подумал, не случилось ли чего. Но она застенчиво улыбнулась и робко спросила, будет ли он ей писать. Сердце Федькино разрывало от счастья.

Три года пролетели быстро, письма приходили регулярно, в которых Катя подробно описывала учёбу, походы в кино, первую практику, начало работы. Клятв в любви никто никому не давал, но каждый почему-то был уверен, что он любит и любим.

Прибыв в деревню, Федька пошёл сразу в библиотеку, где заведующая поспешила позвать Катю, работавшую в архиве, а сама ушла. Федькор долго смотрел на любимую, ставшую просто красавицей, с пышной шевелюрой светлых кудрей, с осиной талией. Порывисто обнял, глядя в глаза, спросил, выйдет ли она за него замуж? Катя, не отводя глаз, кивнула и заплакала. «Обидел что ли?» – спросил он. «Нет», – ответила Катя, боялась, что не позовёт, вон каким красавцем стал, вся грудь в значках, высокий, стройный, за такого любая

пойдёт. А Федьору никто не нужен был.

Свадьбу не справляли, посидели семьёй, благо она большая, отец предложил пожить в пустовавшем доме бабушки, умершей год назад, а потом и новый можно построить. Так и сделали.

Жили они хорошо, громких слов о любви так и не произнесли, но бабы часто с завистью смотрели на Катю, приходил на работу с сияющими глазами, улыбка не сходила с губ, про мужа никогда не скажет плохого слова. Жившие поближе видели, что Федькор не даёт Кате полные вёдра носить с водой, всю тяжёлую работу по дому делал сам, да и в огороде не стеснялся Кате помогать.

Двойняшки – дочка с сыном – родились через год после свадьбы. Федькор души не чаял в детях, всё говорил, что красивые, как Катя, а Катя, глядя на детей, в обоих видела только его, Федьору. Так пролетели двадцать лет. Сын ушёл в армию, дочка поступила в педучилище, Катя с Федькором остались одни, детей почему-то больше не получилось.

У Федьору стала развиваться экзема на руках. Летом ещё терпимо, травами всякими лечили свежими, а зимой кожа на руках трескалась и сквозь трещины сочились зеленеватая жидкость. Всё это сопровождалось болями, особенно по весне. Рукавиц не наденешь, не поможешь руки, как следует, после работы с трактором. Врачи посоветовали на курорт съездить, полечиться грязями.

В колхозе дали путёвку в Мацесту, названия такого никто и не знал. Дали, значит надо ехать. Путёвка была на 26 дней, целый месяц, Федькор всё переживал, как тут Катя со скотиной одна справится, но жена заверила, что месяц ничего с ней не произойдёт.

Федькор домой вернулся весёлым, с чистой кожей на руках, но Катя сразу почувствовала холодок между ними. Спрашивать побоялась, не хотела обижать мужа, но через неделю пришло письмо из другой области. Катя даже и рассмотреть не успела, Федькор выхватил и бросил в топящуюся печку. Письма приходили каждые три-четыре дня. Катя отдавала мужу, не распечатывая, а тот жёг, не читая. Но однажды

© Сорогин Геннадий Павлович «Письмо» 1960

Катя не выдержала и прочитала, тайком от мужа. От прочитанного сердце замерло, писала какая то Людмила, сообщала, что беременна, уже четыре месяца, будет рожать, что очень надеется, что он приедет и не бросит её с ребёнком, тем более что сирота, помощи ей ждать не от кого.

Вечером Катя под села за ужином к мужу и показала открытое письмо. Федькор весь побелел, а потом неожиданно расплакался, как ребёнок, и поведал свою историю.

Людмила работала поварихой в санатории, на танцах, куда уговорили пойти мужики, соседи по столу, сразу подошла к нему и не отходила весь вечер. Все последующие дни она проходу не давала ему, Федькор даже на танцы ходить перестал, сидел в комнате или гулял в парке. Людмила настойчиво караулила его повсюду, как потом оказалось, даже отпуск оформила, чтобы свободной быть. В предпоследний вечер у соседа по комнате справляли день рождения, немного выпили, Людмила, конечно, была там, всё подливала Федьору. Проснулся утром, рядом спала Людмила.

Федькор собрал вещи и уехал домой, чувствовал себя виноватым. Адреса Людмиле не давал, видимо, сама узнала в санатории, там же работала.

Катя не спала две ночи, рядом беспокойно ворочался Федькор, даже не пытаясь прикоснуться к ней рукой.

Утром встала и велела Федьору собираться к Людмиле, не гоже, чтобы у сироты ещё и ребёнок рос сиротой. Их дети выросли, она им всё сама объяснит, поймут. В словах и глазах жены была такая решимость, что Федькор понял, обратного пути нет.

Уволился в колхозе, купил билет и поехал. Всю дорогу ругал себя, что послушался, но в глубине души понимал: Катя по-другому бы не поступила.

Катя же не плакала, просто как-то постарела, стала меньше ростом, никому ничего не рассказывала, на досужие домыслы отвечала, что так надо было.

Через три года в ворота постучали... Катя открыла глухие ворота и обомлела. У ворот стоял Федькор, на руках держал маленького ребёнка, у ног робко жалась девочка. Все неухоженные, худые, что даже не могло быть и речи, чтобы захлопнуть дверь.

Пустив всех в избу, быстро поставила на стол имевшуюся в доме еду, а сама побежала затопить баню.

Пока топилась баня, Катя слушала печальный рассказ Федьору. Людмила действительно встретила его с небольшим животиком, привела домой, сразу открыла бутылку, чтобы отметить приезд. В доме было всё неряшливо, посуда грязная, в огороде почти ничего не посажено. Федьору это было нестерпимо, он в первые же дни поправил калитку, забор, закрепил рамы на окнах, заставил Людмилу прибраться, помыть посуду. На работу она ходила, он тоже устроился сантехником в ЖКО, жизнь начала устраиваться. Только по ночам Федькор всё звал Катю, на что Людмила сердилась и едко замечала, что присушила его Катя, опоила.

Танюшка родилась маленькой, сморщенной, но Федькор увидел на плече родимое пятно и сразу полюбил девочку. Водился с ней всё свободное время. Не прошло и полгода, как Людмила сообщила, что опять беременна. Решили, что пусть будет двое детей, так появился Вовка.

После рождения сына Людмила с катушек съехала, домой стала приходиться пьяная, а то и вовсе не приходила. Федькор, как мог, управлялся с ребятишками, пока однажды сердобольная соседка не поведала, что Людмилу уже дважды лишали родительских прав на троих детей, все в детских домах, так что хорошего ждать не надо.

В очередной запой Людмила Федькор уволился с работы, собрал ребятишек и уехал ... к Кате. Он не просил принять его, только смотрел на неё и ждал её решения, готовый принять любое. Катя посмотрела на родное любимое лицо, почувствовала нестерпимую боль в сердце. Она не помнила своих страданий, своих бессонных ночей, ей важно было, что родной человек снова рядом.

И вновь бабы в деревне увидели Катю молодой, с сияющими глазами, а дети не отходили от неё ни на шаг. Свои дети даже не стали спорить с матерью, сказавшей, что отец вас не бросал, когда маленькими были, а сейчас вон ребятишки нуждаются в помощи. Приняли...

Прошло ещё двадцать лет. Федькор уже пять лет покоился на деревенском кладбище, а Катя души не чаяла в своих погодках, особенно любила дочку, которая и посвятила маме свою жизнь, да и сынок не огорчал.

Любовь умеет всё простить, только с любовью можно пережить любые трудности.

Галина Слепнёва

© Всеволод Михайлович Петров-Маслаков «У пашни», 1956 г.

АНГЕЛ СОВЕСТИ

Моя бабушка была очень набожной, необыкновенно доверчивой и доброй. Мы, внуки, в отличие от других, называли её бабонькой, потому что она каждого жалела, каждого могла успокоить, всем хотелось, чтобы спать ложиться, так только рядом с ней. Девочки давали расчёсывать спутанные волосы только бабоньке, потому что она никогда не дёрнет, более того, под её расчесывания необыкновенно хотелось спать. Всех внуков звала ласково: Ванюша, Гриня, Галинка, Шуранка, причём и мальчики, и девочки по имени Александр и Александра у бабоньки были Шуранками.

Про доверчивость бабушки даже долгое время рассказывали уже посторонние люди. Мы все были послевоенными внуками, когда церковные обряды были не очень популярны, родители стеснялись ходить в церковь, а уж про крещение и говорить было нельзя. Вдруг прибегает во двор соседский парнишка и кричит, что поп по деревне ходит, предлагает покрестить детей. Бабонька, не долго раздумывая, одела нас троих, трёх, четырёх и пяти лет, и побежала на гульбище. А там уже стояла обыкновенная деревянная бочка с водой, которую держали на случай пожара, возле неё поп в грязной и поношенной рясе, в руках его был крест, большой, тяжёлый.

Все родители были в полях на сезонных работах, поэтому старухам была воля принимать такие решения. Бабонька первой смело подошла к попу и попросила покрестить нас. Поп поставил нас

вокруг бочки, дал всем по свечке. Другие бабки тоже осмелели и стали ставить своих внуков, нас набралось с десяток. Поп оглядел нас, прочитал молитву, как-то невнятно и с запинками, потом помочил нам головы водой из бочки, почикал ножницами над головами, велел задуть свечки и всех объявил крещёными. Бабки потребовали крестики для новопокрещенных, на что поп ответил, что поедут в церковь, там и купят. Старухи, как могли, отблагодарили попа. Кто дал хлеба, кто огурцов, а наша бабонька налила бутылку квасу, на похмелье, сказала... Поп выпил квас, крикнул от удовольствия, потом развернулся и пошёл себе за деревню, весело распевая какую-то незнакомую песню.

Кто-то из старух высказал сомнение в подлинности попа, и крестиков детям не дал, и воду в бочке не освятил, пользовался дождевой. На что бабонька серьёзно заявила, что грех будет на нём, а мы все приняли крещение, Бог всё видит и даст нашим детям Ангела. Сказано это было с такой искренностью, что ни у кого не возникло сомнений.

Набожность её проявлялась во всём: не садилась за стол, не перекрестившись, не начинала никакого дела, не попросив благословения у Господа. В деревне церкви не было, только в дальнем селе, поэтому молилась дома, каждое утро долго стояла перед иконами и что-то шептала, вставала на колени, поклонялась до полу, вечером тоже ложилась спать только после вечерней молитвы. Нас, детей, к молитвам не

Станислав Бабюк «Столетний дом»

привлекала, но всегда говорила, что Боушко (у неё и Бог был Боушком), всё видит: и плохое и хорошее. За хорошее он вам и вашему Ангелу даст леденец, а за плохое обязательно оторвёт у Ангела перо из крыла, и Ангел будет плакать. Самое странное, что время от времени у нас под подушкой появлялись конфетки-подушечки, на что бабушка очень искренне радовалась, что Ангел увидел, какие мы хорошие и послал леденец. Мы иногда старались припомнить, что же хорошего сделали накануне, не могли вспомнить, но верили, что просто не запомнили, а вот Боушко всё видит...

С этой мыслью я и росла. Как все девочки той поры, мы с подружками собирали фантики от конфет. И вот под вечер мы сидели в саду под яблоней и хвастались друг перед другом, какие красивые да необычные у той или другой фантики. Мне

казалось, что у меня хуже всех и меньше всех. От обиды я сидела надутая, и рано пошла спать. Девочки оставили свои коробки у нас в саду, там был железный ящик, куда мы и складывали свои богатства.

Ночью я проснулась и опять вспомнила про фантики. Спать уже не могла, а тут ещё и заманчивая мысль пришла в голову: «А что, если сейчас пойти и отложить по нескольку к себе в коробку, темно, все спят, никто и не заметит...» Сон улетел, я встала и вышла в сени.

Темнота была, хоть глаз выколи, тихонько вышла на крыльцо, там было чуть-чуть светлее. Раньше я жутко боялась темноты, а тут и страх пропал, иду... И вдруг в небе что то сверкнуло... шёл август, период звездопада, но я об этом ещё не знала... «Ангел, — подумала я, — значит, Боушко послал его присмотреть за мной. Значит, Боушко всё видит...» И

тут до меня доходит смысл моего поступка: я ведь плохое задумала сделать, значит, сейчас моему Ангелу вырвут перо из крыла, ему будет больно. Я разрыдалась, прибежала к бабоньке, крепко прижалась к ней и рассказала всё. Бабонька долго гладила меня по голове, сказала, что Ангел обязательно завтра поблагодарит меня, что я не смогла совершить такой плохой поступок.

Утром, перевернув подушку, я нашла там вкусный пряник...

Только теперь я часто ловлю себя на мысли, что это она была Ангелом для нас, что такой природной мудростью она воспитывала в нас честность и умение остановиться в плохих намерениях. Всем бы нам иметь таких ангелов-бабонек рядом и усвоить, что Боушко всё видит: и плохое, и хорошее.

Галина Слепнёва

БАБОНЬКА

Над сестрой моей Клавкой в деревне многие посмеивались: такая же легковёрная и наивная, как бабушка. А бабушка у нас была обыкновенной крестьянкой, малограмотной, работающей, но отличалась тем, что была всю жизнь по-детски наивной и необыкновенно доверчивой и доброй.

Доверчивость её проявлялась в том, что верила всем без всякого сомнения. Врать не могла совсем, для неё было проще всего рассказать правду, какой бы она ни была, если в чём-то провинилась, то тут же и признавала свою вину.

Никогда сама никого не обидевшая и не обманувшая, она и от людей ждала такого же, ей даже в голову не приходило, как могло быть иначе.

В войну, оставшись с пятью детьми, когда мужа призвали на фронт, она выбивалась из сил, чтобы хоть как-то накормить ребятишек. Сама садилась последней, тщательно вытирала

Александр Шилов «Мать у дома»

чугунок, в котором готовилась похлёбка, кусочком хлеба, если он был, или картофелиной, и с этим шла спать. Старшие дочери заметили, что маме совсем тяжело, исхудала очень, стали следить, чтобы в чугунок на стенках оставалось как можно больше, да и от своих кусочков отламыва-

ли, подкладывали ей под ложку. Найдя кусочек, бабушка искренне радовалась и благодарила Господа за такую щедрость.

Зимой, зарезав гуся, бабушка решила отвезти его на базар, чтобы купить немного муки, крупы какой-нибудь, чтобы похлёбку сдабривать.

В райцентре на базаре народу было много, все шумели, толкались, а она робко продвигалась к центру, чтобы увидеть, чем торгуют, почём торгуют гусями.

Вытащила из мешка гуся, крепко держала его за лапы. Люди подходили, приценивались, но покупать никто не хотел. Вдруг к ней подошла толстая тётка и громко предложила поменять гуся на два больших каравай хлеба. Предложение заинтересовало бабушку, и она пошла за тёткой. В конце торгового ряда стояла кошёвка, в которой лежали мешки с чем то съедобным, по запаху догадалась бабушка. Времени было

уже много, а ещё 15 километров обратно пешком идти, поэтому спросила про хлеб. Ей вытащили из мешка каравай. Тот был толстый, поджаристый, от него шёл изумительный запах, от которого у голодной бабушки закружилась голова. Взяв в руки каравай, она даже не обратила внимания на его тяжесть, подумала только, что совсем обессилела от голода. Положила в свой мешок и протянула руку за вторым. Проходившая мимо какая-то женщина громко посоветовала проверить на вкус. Но бабушке и в голову не могло прийти такое. Надо скорее домой да ребятишкам к похлёбке по кусочку отрезать.

Дома старшие девочки уже сварили похлёбку из гусиных потрохов, благо картошка ещё была в избытке, ждали мать. Уже затемно бабушка пришла домой, спину ломило от тяжести, но сердце согревала радость покормить ребятишек настоящим хлебом. Сели за стол, доставать хлеб сил уже не было, попросила старшую дочь. Та с трудом достала каравай, удивилась его тяжести, но достала нож и стала резать. Каравай не резался, только тоненькая корочка разошлась. Внутри каравай была мякина с кирпичной крошкой... Все онемели от ужаса, бабушка встала к иконам и помолилась за своих детей, чтобы послал им силы пережить это разочарование.

Вторым примером наивности и доверчивости нашей бабушки стал запомнившийся мне случай, произошедший уже после войны. Как и у всех в деревне, расположенной на озёрах, в каждой семье держали гусей. У бабушки их тоже было десятка два, но один, Гога, был особенным гусем. Белоснежный, толстый, важный. Он жил в семье уже пятый год,

ходил за нами, ребятишками, не хуже собаки, на озеро купаться, на луга собирать клубнику. Откликался на свою кличку, громко гоготал, возвращаясь домой. Он ещё и хорошим пастухом был, загоняя своих гусей по вечерам домой, так что за лето ни один не терялся. Но время гусиное не бесконечно, пришла пора и с ним прощаться. Бабушка даже мысли не допускала резать его в сезон забоя, и придумала продать его марийцам. Марийцы жили в деревне за два километра от нашей, осенью ежегодно ходили по соседним деревням и закупали гусей. Мясо гуся считалось у них особенно полезным, покупали и живых гусей, чтобы использовать потроха.

Вот и тут в деревне появились покупатели. Бабушка вывела Гогу за ворота, тот смиренно стоял около неё, не пытаясь ни убежать, не кинуться на кого-либо. Подошли две марийки. Поинтересовались, за сколько продают, осмотрели гуся, который покорно дал это сделать. Удивились, что такой послушный. А бабушка тем временем расхваливала гуся, что и большой, и жирный... марийки уже и за деньгами полезли, но вдруг одна спросила, почему сами не едят, раз такой хороший? На что бабушка искренне сказала: «Так старый больно, не доваришься...»

Гога остался дома, последний год ходил с трудом, гузка провисла низко и мешала передвигать лапками. Умер он не своей смертью, догнала и задушила лиса. Бабушка искренне радовалась, что не взяли грех на душу, не зарезали близкого друга. А с лисы какой спрос, она же скотина...

Галина Слепнёва

Людмила Черноусова «Гуси. Деревенский двор»

«Частный Интерес» открывает новую рубрику «Непридуманные истории». И в этом выпуске, в день, когда началась Великая Отечественная война, мы хотим познакомить читателей с рассказом чайковского автора Галины Слепнёвой «Ждал каждый». Этот пронзительный рассказ написан на основе реальных событий

ЖДАЛ КАЖДЫЙ

В деревне дни рождения особо не справлялись, но мне исполнилось 8 лет, и отец доверил мне управлять лошадью, чтобы возить копны. Я был преисполнен гордости за оказанное доверие, старался вести лошадь как можно прямее, но при этом не наезжать на кочки, чтобы не вытянулся клок сена. Мужики хвалили меня, а отец гордо погладил по голове и радостно объявил, что мне ведь сегодня исполнилось 8 лет.

Вечером, придя домой, узнали от заплаканной матери, что война... Война началась в мой день рождения? Это никак не укладывалось в моей детской голове.

Для меня это слово ещё не было страшным, мы же часто с пацанами играли в «белых» и «красных», последние, конечно же, всегда побеждали. Вот и тут в своём неокрепшем мозгу я не сразу понял, что это НАСТОЯЩАЯ война... со взрывами, погибшими.

Отец всех позвал к столу, я из пятерых был старшим, поэтому уже сидел рядом с отцом. Маленькая сестрёнка спала в зыбке, старшая сестра покачивала её, а средненькие двойняшки Дуня и Петя беспечно ёрзали на лавке и старались поймать игривого котёнка. Мать обычно приструняла их, а тут сидела, как каменная, с испуганными глазами, неотрывно смотрящая на отца. Меня это пугало, я ещё не понимал, да и не мог понять, что это последняя наша семейная встреча. Раньше же отец уезжал на базар в город на три-четыре дня, чтобы продать мясо, домашний

инструмент, мы управлялись самостоятельно. А тут повеяло каким-то незнакомым холодом.

Через два дня отцу принесли повестку в военкомат, он собрал котомку с парой портянок, рубахой и чем-то ещё, я и не запомнил. Помню только, как мать каждую вещь, подавая ему, прижимала к груди, долго сворачивала и только потом отдавала отцу. Отец повернулся к нам, рядом сидящим на лавке, и негромко сказал, что отбывает надолго, старшим остаётся Иван, первый помощник и защитник семьи. Наказывал, чтоб младшие слушались меня и берегли мать. Мать и тут не плакала, только смотрела на отца, хотела наглядеться что ли...

Осень наступила быстро, надо было копать картошку, убирать овощи, мать позвала соседа резать овец и быка, зарубили пять куриц. С этим богатством и уехала в город, чтобы выручить хоть сколько-то денег. Уезжая, сказала, чтоб я как следует смотрел за детьми, письма от отца читал все и складывал за божнице, была такая полочка в доме с иконами.

А писем всё не было и не было... Вот уже почти полгода прошло... Мать всегда напоминала мне, что я старший, чтобы вёл себя как следует и ждал отца, чтобы отчитаться перед ним. И я старался, как мог: за скотиной ухаживал, за младшими присматривал, в школу ходил, старался учиться получше, только уставал очень, засыпал мгновенно. Но всегда удивлялся: когда спит мать? Она ведь будила меня утром, а у самой уж и картошка отварена, и скотине приготовлено.

Прошел год, соседке принесли похоронку, она была первой в нашей деревне. Сбежались на крик Вассы все: и стар, и млад. Бабы, как могли, успокаивали, мужики, а их трое в деревне осталось из двадцати, нервно курили. Только мать наша не кричала, спокойно подошла к Вассе, обняла её и сказала, чтоб держалась и ребятишкам своим наказала, чтоб держались и... ждали, а вдруг это ошибка... Потом развернулась к нам и сказала громко, как объявила, чтоб брали пример с её Ивана: парень вон как старается, первый помощник за отца, ждёт, и все уверены, что отец вернётся. Я был так горд этой похвалой, что стал проявлять ещё больше усердия, чтобы отец поскорее вернулся.

Писем мы так и не дождались, закончилась война, в деревню стали возвращаться мужики. Мы, ребятишки, бегали на встречу, страшно завидовали. Но я был уверен, что и наш папка вернётся, ведь мы ТАК ЕГО ЖДАЛИ!!! Только спустя долгие годы, я, уже став взрослым, после похорон матери нашёл на божнице бумажку, где сообщалось, что отец погиб в первом бою в августе 1941 года. Мама была в райцентре по своим бригадирским делам, получила там известие, убрала его подальше и никому никогда не рассказывала. Видимо, она таким образом сохранила нас от разочарования: просила ждать, воспитывая нас послушание и терпение.

Только я иногда ловлю себя на мысли, что, может, я плохо ждал и не всё делал, чтобы было чем отчитаться перед отцом...

Галина Слепнёва

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ

8 668 400

безвозвратные потери списочного состава Вооружённых сил СССР

13 684 692

жертвы среди гражданского населения СССР в период оккупации

4 246 908

потери мирного населения от бомбёжек в прифронтовых городах и сёлах, смерти от болезней и недоедания, а также по иным причинам

26 600 000

демографическое сокращение численности населения СССР в результате воздействия войны

ПО ДАННЫМ РОССТАТА

ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ПАМЯТИ БЕРЕЖНО ХРАНИТ ИМЕНА БОЙЦОВ

В Чайковском создана «Электронная Книга Памяти Чайковского муниципального района». Эта книга позволит многим нашим землякам получить дополнительную информацию о своих погибших и пропавших без вести родственниках

Здесь собраны выписки из печатных книг памяти, донесения о безвозвратных потерях частей и военных комиссариатов, карты районов гибели, журналы боевых действий, оперативные сводки и боевые донесения частей, в которых воевали жители Фокинского района, не вернувшиеся с фронта, наградные листы и другая полезная информация.

Инициатором создания «Электронной Книги Памяти Чайковского района» выступил подполковник запаса Вооружённых сил России Александр Зайцев. Электронная версия создана на основе «Книги Памяти Пермской области» (в 16 томах), подготовленной и изданной Пермским област-

ным отделением Российского фонда мира в 1994–2007 гг. под руководством его председателя Козловой Зои Романовны и при содействии Военного комиссариата Пермской области. Также основой является книга памяти и подвига Фокинского (Чайковского) района «Их помнит мир спасённый», создателем которой является Якунцов Виктор Иванович.

Работа по уточнению информации продолжается, и данные постоянно пополняются. Так, после реконструкции мемориала на стене памяти в Чайковском добавились ещё 412 имён наших земляков, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной.

Недавно завершена работа по сбору и систематизации информации о тех, кто призвался из Фокинского района и вернулся с фронта домой. Эту информацию в электронном виде можно найти в Чайковском историко-художественном музее и в нашем поисковом отряде «Звезда».

